

— А ты? Почему ты хочешь запереть меня? С того момента, как ты распечатал договор о содержании, у тебя уже был свой план, Мужун Цинь. Я — ничто и ничего не могу тебе дать. Зачем ты меня держишь?

— Ты мне нужен, только ты! — Мужун Цинь не смог сдержать гнев. — Бай Цинцзю, ты действительно сомневаешься во мне? Если бы не ты, зачем мне было водиться с семьёй Ся? Я просил тебя держаться подальше от Ся Чанъяня, потому что он может причинить тебе вред, и от Ся Юя, потому что этот паршивец питает к тебе нечистые намерения. Я бы хотел, чтобы ты никогда не узнал о семье Ся, обо всех этих интригах и смертельных играх. Я сам справлюсь, тебе не нужно в этом участвовать. Понимаешь?

Бай Цинцзю смотрел на него в оцепенении, его запутанные мысли постепенно успокаивались. Спустя долгое время он тихо произнёс:

— Прости.

— Бай Цинцзю, я не знаю, зачем я тебя вывел. Мне следовало просто...

— Запереть меня дома на пять лет, как написано в договоре.

— Ты... — Мужун Цинь сжал кулак, поднял его, но затем резко опустил.

Возможно, эти пять лет, которые Мужун Цинь провёл, удерживая его в холодности и лжи, были нужны, чтобы полностью оградить его от этой истории. Он справился хорошо — до самой смерти Бай Цинцзю не услышал ни слова о семье Ся.

Но Мужун Цинь никогда не хотел понять, что Бай Цинцзю просто хотел быть с ним долго и счастливо.

Бай Цинцзю шмыгнул носом, слегка потянул за край его одежды и тихо сказал:

— Отведи меня домой.

Мужун Цинь явно не ожидал таких слов. Разве человек, узнав, что он наследник богатой семьи, не должен стремиться избавиться от нищеты и вернуть то, что ему принадлежит? Как Ся Юй.

Бай Цинцзю выглядел спокойно, будто ничего не произошло, лишь слегка обиженно:

— Мужун Цинь, почему ты молчишь? Ты больше не хочешь меня?

Мужун Цинь сделал шаг вперёд, сократив расстояние между ними до минимума, словно полностью окружив его собой:

— Цзюцзю, что бы Ся Чанъянь ни говорил, не слушай его. Даже если однажды он попросит тебя вернуться, не соглашайся. Он не хороший человек.

— Я не пойду с ним. Он не хочет, чтобы я вернулся. Никто в семье Ся не хочет, чтобы я вернулся.

Мужун Цинь похлопал его по спине, обнял и поцеловал в макушку:

— Цзюцзю, всё в порядке. Никто не знает. Пока я здесь, они не посмеют тебя тронуть.

— А Ся Юй? Что с ним будет?

— Он умный. Приняв эту роль, он должен нести ответственность. Жаль только...

— Что жаль?

Мужун Цинь покачал головой:

— Давай вернёмся домой.

Бай Цинцзю, ведомый им, сделал несколько шагов, но вдруг что-то выпало у него из кармана. Мужун Цинь наклонился и поднял:

— Твоё?

Бай Цинцзю в панике отступил назад:

— Нет, не моё.

— Тогда чьё?

— Если я скажу правду, ты не будешь злиться?

Лицо Мужун Циня уже стало мрачным:

— Хорошо, поговорим дома.

Бай Цинцзю сжимал в руке ключ от роскошного дома. Он ещё не попрощался с господином Вэй, а теперь Мужун Цинь следил за ним так плотно, что и думать нечего было о том, чтобы вернуть ключ лично.

Мужун Цинь, вернувшись домой, сел на диван, как зритель, ожидающий начала спектакля:

— Говори, я слушаю.

Бай Цинцзю опустил голову, ладони его покрылись потом. Он не знал, как сказать, чтобы его не поняли неправильно:

— Ключ принадлежит господину Вэй. Он уезжает и хочет оставить дом мне, но... я не возьму его.

— Если не возьмёшь, зачем тебе ключ?

— Господин Вэй... он помог мне. Я должен попрощаться с ним и вернуть ключ.

Мужун Цинь, опёршись локтями на колени, наклонился вперёд с вопросительным взглядом:

— Говори правду. Что он тебе сказал?

Бай Цинцзю не мог скрыть от него правду. Лучше сказать всё, чем быть заподозренным:

— Господин Вэй предложил мне уехать за границу. Он ценит мои картины, там много возможностей. Он надеется, что я...

— Хм, он тебя любит.

— Нет...

Мужун Цинь поднял взгляд, и Бай Цинцзю тут же поправился:

— Не любит, просто ценит.

— Для меня это одно и то же.

Мужун Цинь встал, прижав его к углу стола:

— Раньше я не замечал, что ты так нравишься людям.

— Это не так.

— Пусть они любят, если хотят. Ты мой, и всё.

Бай Цинцзю покраснел от смущения:

— Я тоже хочу, чтобы ты меня любил.

— Что ты сказал? Громче.

Бай Цинцзю покачал головой:

— Не буду повторять.

Мужун Цинь обнял его:

— Скажи, иначе я не буду с тобой церемониться.

Бай Цинцзю прижался к его груди, встал на цыпочки и прошептал на левое ухо:

— Я люблю тебя, Мужун Цинь.

Сказав это, он покраснел до шеи. Пять лет он держал эти слова в себе, и теперь одного раза было недостаточно. Если бы мог, он говорил бы их будущему Мужун Циню каждый день, пока тот не устанет слушать.

Мужун Цинь повалил его на диван, и они погрузились в мягкие подушки. Всё стало проще. Бай Цинцзю, щекочась, смеялся:

— Мужун... не надо...

Мужун Цинь укусил его за ухо:

— Не отказывайся. Ты даже не представляешь, как я ревную.

— Эх...

— Завтра же вернём ключ, вместе.

Бай Цинцзю всё ещё беспокоился, что он может сделать что-то с Вэй Чэньюанем, и торопливо объяснял:

— Между мной и господином Вэй ничего не было!

— Я знаю.

— И с другими тоже.

Мужун Цинь мягко продолжил:

— Следующая фраза должна быть: «Этот ребёнок — твой».

— Ты... согласишься?

— Поверю. Во что угодно поверю.

Бай Цинцзю, стиснув зубы, старался подыграть, его голос прерывался:

— На самом деле я... я знаю другого тебя. Я думаю, если однажды я снова встречу того тебя, мы сможем быть... очень счастливы. Очень.

Мужун Цинь не ответил. Неизвестно, сколько он услышал и сколько поверил. Ведь всё это было слишком невероятно.

Эта страсть и нежность были тем, о чём Бай Цинцзю даже не смел мечтать.

Кто я — совсем не важно.

На следующий день Мужун Цинь сказал, что отведёт его вернуть ключ, но к вечеру так и не вернулся. Раньше Бай Цинцзю никогда не звонил, чтобы узнать, где он, но теперь их отношения стали такими близкими, что, возможно, он не рассердится, если спросить.

Бай Цинцзю помнил его номер лучше, чем свой собственный. Набрал его, он торопливо сказал:

— Мужун, ты ещё в офисе? Я приготовил ужин, принести тебе?

В трубке раздался презрительный смех:

— Ужин? Мы с господином Мужуном уже поели. Лучше сэкономь силы, не мни себя слишком важным. Как господин Мужун мог обратить на тебя внимание?

Бай Цинцзю сжал трубку, его голос стал жёстким:

— Где Мужун Цинь?

— Естественно, он не хочет с тобой разговаривать. Мужчины, когда развлекаются, терпеть не могут, когда их беспокоят.

— Передай ему телефон.

— Мечтай.

Сюэ Цинь резко положил трубку. На презентации проекта Мужун Цинь, закончив речь, почувствовал, что чего-то не хватает, и приказал помощнику:

— Проверь, куда я дел телефон.

Сюэ Цинь подошёл сзади:

— Господин Мужун, я нашёл в подсобке телефон. Может, ваш?

Мужун Цинь взял его. Было уже девять, он почти забыл о своём обещании:

— Сяо Фань, займись здесь, у меня дела.

— Директор, скоро приедет председатель совета директоров.

Мужун Цинь на мгновение задумался:

— Скажи ему, что я ушёл.

Помощник Сяо Фань выбежал за ним:

— Председатель приехал, чтобы официально утвердить ваше положение. Если вы уйдёте сейчас, это будет упущенная возможность.

— Возможности будут всегда, но обещание — только одно.

Мужун Цинь взял ключи у водителя и уехал один. По дороге он позвонил Бай Цинцзю, но тот не ответил.

В аэропорту на окраине города Бай Цинцзю прибыл почти в одиннадцать. Вэй Чэньюань сказал:

— Очень извиняюсь, но учёба Сяо Линя во Франции начинается раньше, и нам нужно уехать поскорее.

Бай Цинцзю, запыхавшись, ответил:

— Господин Вэй, это я должен извиниться. Я так и не дал вам ответа, заставил вас ждать.

— Сяо Бай, ты решил?

Бай Цинцзю глубоко вздохнул, его лицо стало решительным:

— Господин Вэй, благодарю за вашу доброту, но я останусь в стране. Здесь есть люди и дела, которые я не могу оставить. Я люблю китайскую живопись, за границей я бы не знал, что рисовать.

<http://bllate.org/book/16396/1485067>